

наш. И скажи им еще: если вы сделаете то, что Я предписываю вам, то через пять дней Я скажусь пад вами». Пока Он говорил все это, выступила вперед какая-то женщина, лицо которой горело необыкновенным светом, и, устремив своих взоры на Господа, она сказала ему: «Господи, что Ты говоришь этому человеку?» И Господь отвечал ей: «Владычица, Я спрашиваю у него, какой это парод вошел в этот город?» На это женщина сказала: «О, мой Владыко, это именно те, о которых я молю Тебя непрестанно».

Тогда священник толкнул своего товарища, который спал возле него, чтобы в нем иметь свидетеля столь чудного видения; но лица, явившиеся ему, исчезли. Наступило утро; священник поднялся на гору, где находились князья в виду турецкой крепости, кроме герцога, который охранял укрепление, расположенное на северной горе. Созвав всех, он рассказал о случившемся нашим князьям и, чтобы удостоверить в истине, клялся на кресте, а для убеждения неверующих изъявлял готовность подвергнуть себя испытанию огнем или броситься с башни. Тогда князья дали клятву не удаляться от Антиохии и выходить из города только с общего согласия, ибо народ думал, что в настоящем случае князья решились бежать к гавани. Этим они внушили всем доверие. В предшествовавшую ночь пемпюгие оставались верными своему долгу и не искали случая бежать, так что если бы епископ и Боэмунд не заперли ворот, то в городе остались бы весьма немногие. Но Вильгельм из Грандуны вместе с братом убежал в сопровождении большого числа светских и духовных. Ускользнув из города с величайшей опасностью, многие из них попали в руки турок и навлекли на себя тем огромные бедствия.

В это самое время мы имели много и других откровений через наших братьев, и, кроме того, нам явился на небе чудесный знак. В полночь над городом остановилась большая звезда; разделившись потом на три части, она упала на турецкий лагерь.

Ободренные всем этим, наши ждали пятого дня, который был возведен им священником. Пакауне же того, сделав должные приготовления вместе с тем крестьянином,

который говорил о копье, и удалив всех из церкви блаженного Петра, мы начали рыть. В числе 12 человек, для того пазпаченных, находились епископ из Оранжа (Augsisensis) Раймунд, канцлиан графа, который пишет это (то есть наш автор), сам граф (Тулузский), Погтий из Баладуна (товарищ нашего автора) и Фаральд из Туара. Занимаясь раскопкой целый день, к вечеру некоторые стали отчаиваться в возможности найти копье. Граф удалился для охраны крепости, и на место его, равно как и других, которые утомились от работы, мы пригласили новых лиц с тем, чтобы деятельно продолжать раскопку. Юноша, рассказавший о копье, видя, что мы устали, снял пояс и обувь и спустился в рубашке в яму, прося нас молить Бога о вручении копья, которое воодушевит его народ и дарует ему победу. Наконец Господь, в своем милосердии, послал нам копье, и я, который пишу это, поцеловал его, как только конец показался из-под земли. Не могу сказать, каким восторгом и какой радостью исполнился тогда весь город. Копье было найдено 14 июня (1098 г., то есть в шестой день после осады крепости Кербогой).

Следует небольшое отступление о новых видениях и беседах того крестьянина из Прованса с апостолом Андреем.

В то время (то есть когда было найдено копье) голод был так велик в городе, что голова лошади, и еще без языка, продавалась по два и по три солида, внутренности козы пять солидов и курица семь или восемь. Нечего говорить о хлебе: чтобы утолить голод одного человека, мало было кушить его на 5 солидов. Но эти цены не были чрезмерны и тяжелы для тех, которые за все могут платить дорого, имея довольно золота, серебра и драгоценных одежд; эта же дороговизна происходила главным образом оттого, что рыцарям недоставало мужества. С фиговых деревьев собирали неселые плоды, варили их и продавали по высокой цене. Этим же способом варили бычьи и лошадиные кожи, и другие кожи, давно уже заброшенные, и продавали их очень дорого, так что каждый мог их есть на два солида. Большая часть рыцарей не